

М. А. АЛДАНОВ

Сталин

<Фрагменты>

У Троцкого идей никогда не было и не будет. В 1905 году он свои откровения взял займы у Парвуса, в 1917 году — у Ленина. Его нынешняя оппозиционная критика — общие места эмигрантской печати. С «идеями» Троцкому особенно не везло в революции. Он клялся защищать Учредительное собрание за два месяца до того, как оно было разогнано. Он писал: «Ликвидация государственного спаиванья народа вошла в железный инвентарь завоеваний революции» — перед восстановлением в Сов. России казенной продажи вина¹. Но в большом актерском искусстве, как в уме и хитрости, Троцкому, конечно, отказать нельзя. Великий артист — для невзыскательной публики. Иванов-Козельский² русской революции.

Вся Октябрьская революция была, так сказать, бенефисом Троцкого. По крайней мере, он, говоря о ней в ту пору и впоследствии, неизменно держал себя как «бенефициант», — как бенефициант подчеркнуто скромный и расстроганно тактичный. Он взволнованно раскланивался с современниками и с историей, взволнованно принимал букеты и часть их передавал другим участникам спектакля, заботливо выбирая для этого букетики похуже и участников побездарней. В своих книгах, посвященных октябрю 1917 г.*, Троцкий отечески расхваливал самых серых революционеров, принимавших участие в перевороте, — вплоть до фельдшера Лазимира³, вплоть до какого-то матроса Маркина⁴.

---

* Он заботливо издал все, что писал в 1917 году: свои речи, статейки, замечания, прокламации, телеграммы, все.

Более видных людей он старательно оставил в тени. Разумеется, Ленина никак нельзя было обойти молчанием — льстиво-коварная книга Троцкого о Ленине достаточно известна. Но о Сталине Троцкий совершенно забыл упомянуть — Сталину ни малейшего букетика не досталось. Двухтомный труд Троцкого о 1917 году украшен портретами Свердлова, Иоффе, Антонова-Овсеенко, Подвойского, Крыленко — портрет Сталина так и не попал в книгу. Между тем роль нынешнего диктатора в Октябрьской революции была чрезвычайно велика: он входил и в «пятерку», ведавшую политической стороной восстания, и в «семерку», ведавшую стороной организационной⁵.

Как бы то ни было, с первых месяцев революции эти два человека — несомненно, наиболее выдающиеся в большевистской партии, — пошли каждый своей дорогой. Троцкий и в дальнейшем приискивал для себя бенефисные роли. До заключения мира с немцами наиболее выигрышным и эффектным постом в Советском правительстве была должность министра иностранных дел. Она досталась Троцкому, и он «на глазах у всего цивилизованного мира» разыграл Брестское представление, закончив спектакль коленцем, правда, не вполне удавшимся, зато с сотворения мира невиданным: «Войну прекращаем, мира не заключаем». С началом Гражданской войны самой бенефисной ролью стала роль главнокомандующего Красной армией. Троцкий оказался военным комиссаром, председателем Реввоенсовета, русским Карно и «электризатором революции»⁶. Какова была его действительная роль в Гражданской войне, сказать в настоящее время трудно. После первого разрыва с Троцким большевики (т. е. Сталин) опубликовали несколько документов, из которых как будто неопровержимо следует, что роль эта была довольно скромной и что «красный Наполеон» далеко не всегда вел себя по-наполеоновски⁷. История этот вопрос (в отличие от большинства других) сумеет выяснить точно. Во всяком случае, для легенды Троцким было сделано все возможное. Он «прошел курс Академии Генерального штаба», ездил в царском поезде с вагоном-типографией, возил на фронт Демьяна Бедного и даже орден ему пожаловал — «отважному кавалеристу слова» (кто же мог предвидеть со стороны кавалериста слова такую черную неблагодарность?). На всех решительных фронтах он произносил пламенные речи. Каждая его речь была непременно с «восклицаниями». От Троцкого останется десять

тысяч восклицаний — все больше образные. После покушения Фанни Каплан он воскликнул: «Мы и прежде знали, что у то-варища Ленина в груди металл!» Где-то на Волге, в Казани или в Саратове, он в порыве энтузиазма прокричал «глухим голосом»: «Если буржуазия хочет взять для себя все место под солнцем, мы потушим солнце!» Галерка ревела от восторга, как некогда на спектаклях Иванова-Козельского. При всем своем актерстве Троцкий не подделывается под публику — он не умеет говорить иначе. Впрочем, так говорят иные талантливые ораторы и не в Саратове. Покойный Вивиани, например, тоже был мастер на восклицания: «*La France marchant la tete plus haut que les étoiles...*»⁸. Анатоль Франс от его образов затыкал уши, но в «нижнем этаже французской культуры» этот блеск второго сорта имел шумный успех. Троцкий вдобавок «блестящий писатель» — по твердому убеждению людей, не имеющих ничего с общего с литературой.

Никто не умел лучше, чем он, разоблачать в статьях «империалистическое копыто г. Милюкова»⁹; никто так эффектно не предписывал «сэру Бьюкенену»: «Потрудитесь убрать ноги со стола»¹⁰. Троцкому в совершенстве удаются все тонкости ремесла: и «что сей сон означает?», и «унтер-офицерская вдова, которая сама себя высекла», и «тенденция, проходящая красной нитью», и «победить или умереть!». Клише большевистской типографии он умеет разнообразить стопудовой иронией: «В тех горних сферах, где ведутся приходно-расходные книги божественного промысла, решено было в известный момент перевести Николая на ответственный пост отставной козы барабанщика, а бразды правления вручить Родзянке, Милюкову и Керенскому» (Соч. Т. III. С. 22)¹¹.

В последние годы Троцкий, видимо, ослабел и вел себя значительно ниже своей репутации «ловкого человека». За самыми горделивыми его позами следовали самые унижительные покаяния. Ему явно изменила основная способность революционера — умение рассчитывать свои и вражеские силы. На чью поддержку он надеялся? Сойдет ли навсегда со сцены освищенный актером? Троцкий всю свою жизнь прожил перед зеркалом, для исторической галерки. Если он когда-либо покончит с собой или погибнет «на баррикаде» («баррикаду» он склонял во всех падежах тридцать лет), это тоже будет сделано для галерки — для того биографического труда, который о нем напишет Клара Цеткин¹² 27-го столетия¹³.

<...>¹⁴